

Если бы Линь Цянь, еще не познавший ужасов ада, услышал тогда, что наступает конец света и его дом в любом случае превратится в руины, он бы лишь назвал говорящего сумасшедшим и выбросил эти слова из головы. Это было последнее, что оставила ему мать, и продать дом он не мог ни при каких обстоятельствах.

Но прошло восемь лет. Бесчисленные картины апокалипсиса, которые ему довелось пережить, притупили его привязанность к материальным вещам. Продавая дом, он не чувствовал сожаления — лишь легкую грусть и извинение перед памятью матери.

Линь Цянь протяжно произнес:

— Понял, тетя Чжан. Видимо, я еще слишком молод. Раз вы собираетесь вместе выбирать одежду, я пойду прогуляюсь один.

Тетя Чжан продиктовала ему адрес:

— Если не знаешь, как дойти, просто спроси дорогу у прохожих, тебе подскажут.

Линь Цянь вежливо кивнул, хотя на самом деле отлично знал эти места. И направлялся он вовсе не в супермаркет, а к фермеру неподалеку, который разводил скот. Прошло много времени, и Линь Цянь смутно помнил лишь направление, поэтому, расспросив по пути нескольких человек, он наконец обнаружил нужное место в отдаленном уголке деревни.

Дом выглядел ветхим и заброшенным. Он утопал в тени раскидистых деревьев, отчего вокруг было прохладно и сумрачно. К зданию вела длинная тропа, вдоль которой тянулись старые, полуразрушенные постройки с черными, словно глазницы, пустыми окнами — казалось, здесь уже давно никто не жил.

Идя по грязной тропинке, Линь Цянь внезапно ощутил странный покой. Здесь жило мало людей, и лишь издали доносилось кудахтанье кур и криканье уток. Когда он подошел ближе, послышался лай собак, и одна из закрытых дверей затряслась от яростного напора пса.

— Есть кто-нибудь? — громко позвал Линь Цянь. Чем громче он кричал, тем сильнее лаяла собака. Прошло немало времени, прежде чем из глубины дома раздался окрик старика — собака тут же умолкла и убежала прочь.

Вскоре дверь отворилась.

— Что нужно? — старик выглядел лет на семьдесят-восемьдесят. Согбенная спина, копна седых волос, лицо, изборожденное глубокими морщинами, а голос был таким слабым, что вызывал невольную жалость.

Линь Цянь заглянул внутрь: через темную кухню виднелся просторный двор, полный кур и уток.

— Я пришел купить птицу.

На лице старика промелькнула радость, он закивал, издавая горлом хриплые звуки, похожие на смех:

— Хорошо, хорошо, проходите.

Снаружи дом казался развалюхой, но внутри он был довольно большим. Возможно, из-за того, что в этом краю почти никто не жил, старик огородил пустующие соседние участки, превратив их в загон для птицы. Куры и утки бегали повсюду, и при виде чужака возбужденно захлопали крыльями.

— Мои куры и утки выращены на рисе и овощах, никакого комбикорма! Никакого комбикорма! — он активно жестикулировал, подчеркивая свои слова. Старик говорил на тяжелом диалекте, который Линь Цянь, выросший в городе, понимал с трудом, но общий смысл уловил. — Крупные, жирные и совсем недорого. Возьми побольше, подаришь кому-нибудь, я еще скидку сделаю. Они все здоровые, просто сегодня покупателей мало, вот их и накопилось столько. Парень, бери побольше.

Не дождавшись ответа, старик занервничал и, спотыкаясь, зашагал следом за Линь Цянем, продолжая нахваливать товар и повторять про отсутствие комбикорма.

Обойдя весь двор, Линь Цянь спросил:

— Дедушка, сколько у вас всего голов?

Старик не расслышал, и Линь Цяню пришлось повторить вопрос. Тот начал растерянно загибать пальцы:

— Кур тридцать шесть, уток сорок семь... или сорок шесть? Ох, не помню уже.

— Тогда я забираю всё.

— Куры по девять юаней за цзинь, утки... что ты сказал? — старик замолчал, широко открыв рот и обнажив беззубые десны. — Уши плохо слышат, повтори-ка еще раз.

— Я сказал, что беру всё. Почем утки за цзинь?

— Что? Что? Парень, не шути со мной, сколько тебе нужно? Кур или уток? Или понемногу тех и других? — старик заметно заволновался, боясь, что Линь Цянь просто издевается над ним. Он так разнервничался, что готов был схватить Линь Цяня за воротник, требуя серьезного ответа.

— Я забираю всех тридцать шесть кур и всех уток, не важно, сколько это будет стоить! Дедушка, вы меня поняли? — Линь Цянь четко и громко повторил это дважды. Старик

забормотал что-то, и из его мутных глаз внезапно покатались слезы. Линь Цянь испугался.

Он невольно отступил на полшага, напряженно спросив:

— Вы... вы почему плачете? Мы можем обсудить цену, как насчет двенадцати юаней за цзинь и на кур, и на уток?

Старик продавал птицу на несколько юаней дешевле рыночной цены, поэтому даже с повышением от Линь Цяня это выходило гораздо выгоднее, чем в городе. Линь Цянь не боялся грубых людей или жесткого торга, но не выносил, когда перед ним проявляли слабость. В некотором смысле, именно эта черта в будущем станет одной из причин его гибели.

— Наконец-то продал! Наконец-то деньги будут! Небо милостиво! Небо милостиво! — старик рыдал, слезы катились по его морщинистым щекам. Он задыхался, пошатнулся, и Линь Цянь поспешно подхватил его.

— Дедушка?

Старик вытер глаза мятым платком и громко высморкался.

— Моя старуха в больнице, денег нет... В этом году птица плохо шла, кто-то пустил слух, что они больные, никто не покупал. Да какая болезнь? Я их белым рисом да овощами кормлю, каждый день обеды из ресторанов привожу, — он постучал себя по груди, пытаясь перевести дыхание. — Жена всё жаловалась на боль в животе, а после Нового года совсем слегла. Отвезли в больницу — опухоль. Нужно оперировать, а операция стоит тысяч сорок-пятьдесят. Где мне взять такие деньги? — слезы снова хлынули из его глаз. — Ей ведь за семьдесят, выдержит ли она...

Линь Цянь не знал, что сказать, и просто молчал. Он сочувствовал старику, но не был человеком с излишне мягким сердцем. В конце света людей, заслуживающих жалости, были миллионы, и некоторые ради выживания были готовы даже менять детей на еду. Старик в таком возрасте вряд ли продержался бы долго после начала апокалипсиса.

Линь Цянь вздохнул, но ничего поделать не мог.

Старик, конечно, не справился бы с таким объемом работы в одиночку, поэтому Линь Цянь нанял шестерых помощников по восемьдесят юаней в день. Они забивали птицу, ощипывали, разделывали, а часть мяса засолили с перцем и солью. На всё ушло три дня. Линь Цянь отдал старику десять тысяч юаней — за вычетом оплаты наемникам это были чистые деньги старика. Можно сказать, это был акт его милосердия.

— Ты куда опять спускался? — Чэнь Ци сидел на маленькой деревянной табуретке и, увидев Линь Цяня, который напевал что-то себе под нос, возвращаясь с гор, отложил пилу. — Для молодых здесь, наверно, слишком скучно?

— Жизнь здесь настолько хороша, что кажется нереальной, некогда скучать. Спускался по делам. Кстати, дядя Чэнь, как вы обычно продаете свои фрукты? — Линь Цяню очень нравились фрукты Чэнь Ци: натуральные, вкусные, без всяких пестицидов. — У моего друга магазин фруктов, я сказал ему, он хочет закупаться у вас.

Чэнь Ци удивился:

— Если это твой друг, я могу отдать по самой низкой рыночной цене, без проблем. Ты так неожиданно помог мне с делом, даже не знаю, как тебя благодарить. — Он подмигнул Линь Цяню, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. Только в такие моменты в нем проступали следы прожитых лет.

— Мне ничего не нужно, просто приготовьте мне что-нибудь вкусненькое, — Линь Цянь причмокнул, представив это. Позавчера, когда он поднялся на гору, Чэнь Ци устроил ему роскошный ужин в честь новоселья. Он заранее узнал у тети Чжан, что любит Линь Цянь, и даже запек курицу.

Мало того, Чэнь Ци еще и напек тонких лепешек по собственному рецепту. Завернуть в такую лепешку сочное, истекающее жиром куриное мясо, да обмакнуть в соус...

— А то сейчас слюной подавишься, — весело сказал Чэнь Ци, засучивая рукава и откладывая инструменты. — Хочешь поесть — помогай.

Линь Цянь, мечтавший перенять мастерство, закивал как заведенный и послушно поплелся за Чэнь Ци на кухню.

Чэнь Ци жил на горе скромно, никакой профессиональной печи для барбекю у него не было. Он приспособился использовать то, что было под рукой: выложил из камней полукруглый очаг, а сверху установил чистую решетку из нержавеющей стали. Метод старый, проверенный предками, просто современные люди считают его негигиеничным.

Они сидели у огня, смазывая мясо маслом и медовой водой. Когда оно было почти готово, Чэнь Ци посыпал его молотым зирой и перцем. Воздух мгновенно наполнился дразнящим ароматом.

— Дядя Чэнь, этот перец вы тоже сами обжаривали и мололи? Аромат — закачаешься! — Линь Цянь поднес баночку к носу и невольно чихнул. — Очень вкусно. Научите меня, я тоже намолю.

Чэнь Ци подшутил над ним:

— Ну ты даешь, парень. Всего несколько дней на горе, а уже всё тебе подавай. Знающие люди скажут, что ты прилежный, а не знающие решат, что ты голодный дух, переродившийся в человеческом теле — всё бы тебе съесть.

Линь Цянь подмигнул правым глазом, ответив с легкой улыбкой:

— А так и есть. В прошлой жизни я так наголодался, что в этой решил наверстать упущенное с процентами. И мало просто есть — нужно запастись едой побольше!

Он сказал это серьезно, но кто бы ему поверил? Чэнь Ци лишь рассмеялся и, орудуя большим веером, которым отгонял комаров, легонько хлопнул Линь Цяня:

— Ох и болтун ты, мне тебя не переговорить.

Пока они болтали, жирная курица уже вовсю шкварчала, истекая маслом. У Линь Цяня потекли слюнки, он постоянно тянулся к решетке, и Чэнь Ци каждый раз отгонял его руки. Не в силах больше терпеть, Линь Цянь решил сменить тему.

— Дядя Чэнь, у моего друга довольно большой магазин, объемы потребуются немалые.

У Линь Цяня было пространство, дар небес. В конце света были люди с пространственными способностями, но за семь лет странствий он ни разу не слышал, чтобы в таком пространстве можно было хранить живое. Их пространство работало как холодильник — замедляло порчу продуктов, но не производило их. А у него был такой бесценный дар, но из-за хозяина этого тела он не мог им пользоваться.

Это было похоже на то, как если бы перед голодным поставили пир горой, но не разрешили бы притронуться к еде. Настоящее издевательство!

Чэнь Ци это было неважно. Его фрукты были качественными и вкусными, их разбирали моментально. Он жил один, без жены и детей, денег на жизнь хватало, а гнаться за богатством смысла не было. Раз это друг Линь Цяня, можно и уступить в цене. Он кивнул:

— Без проблем. Сколько нужно — столько и наберем, поможешь мне собрать.

— Мы вдвоем? — Линь Цянь опешил. Участок был огромный, если они будут собирать вдвоем, то с ног свалятся.

Чэнь Ци хлопнул его по плечу и расхохотался:

— Ну конечно, наемных рабочих позовем. А тебя я зову, чтобы ты помог мне засадить пустующий участок саженцами.

Линь Цянь выдохнул с облегчением. Впрочем, если бы пришлось делать всё самому, он бы справился, пусть и дольше, и тяжелее. Его способности были связаны с растениями, так что за пять-шесть дней, восстанавливаясь по пути, он бы точно справился.

Он хитро улыбнулся и придвинулся к Чэнь Ци:

— Ладно, буду собирать потихоньку, лишь бы вы, дядя Чэнь, каждый день кормили меня вкусностями. — И, улучив момент, стащил решетку.

Она оказалась слишком горячей, и Линь Цянь чуть было не выронил ее. К счастью, он вовремя взял себя в руки и, окутав ладони своей энергией Ци, стал дуть на обожженную кожу.

— Ну ты даешь... даже не знаю, что сказать. Раз так хочешь есть — ешь, а я пойду кашу наложу, — Чэнь Ци с улыбкой погасил огонь и ушел с подносом на кухню. Вскоре из окна потянуло ароматом риса.

Линь Цянь смотрел на остывающую курицу, чувствуя, как горят щеки. На фоне спокойствия и щедрости Чэнь Ци его собственное поведение казалось мелким. Он вошел на кухню, нарезал курицу и сделал салат, пока Чэнь Ци разливал кашу.

Линь Цянь ел простую еду, слушая шум ветра и шелест листьев, и в этот момент наконец понял, почему этот мужчина годами жил на горе жизнью, не уступающей монашеской.

Тишина — это роскошь, которую не купишь за деньги.

На следующий день Чэнь Ци снова взялся за свои шкафы, а Линь Цянь отправился в сад. Чэнь Ци думал, что парень просто проголодался, и отпустил его с парой дежурных фраз. Он и не подозревал, что Линь Цянь настроен серьезно.

Для Линь Цяня не было места лучше, чем дикий лес. Когда он вошел в чащу, его сознание, его «море мысли», забурлило. Если бы он взглянул «оком мысли», то увидел бы, что всё вокруг окутано густой зеленой дымкой Ци.

Это была жизненная энергия растений, и поскольку Линь Цянь обладал способностями древесного типа и силой мысли, эта энергия сама тянулась к нему. Стоило ему лишь пожелать, как она стремительными потоками вливалась в его тело.

Линь Цянь глубоко вдохнул и закрыл глаза. Открыл — и перед ним был другой мир. Когда он смотрел обычными глазами, деревья оставались просто деревьями, но стоило закрыть их, как всё вокруг превращалось в плотные или редкие сгустки энергии.

Линь Цяню нужно было лишь направить свою волю на тусклые сгустки энергии у кончиков веток, и плоды легко отделялись, падая на землю.

Меньше чем через полчаса Линь Цянь, обливаясь потом, сел на землю отдыхать. Работа казалась простой, но истощала невероятно. Впрочем, он занялся этим не ради забавы — его подтолкнул недавний случай.

Внизу он пытался изучить змеиное яйцо, и это почти полностью иссушило его «море мысли».

Потребовалось три дня отдыха, чтобы оно начало восстанавливаться. Сначала он не придавал этому значения, но спустя время заметил, что объем его «моря мысли» увеличился.

Теоретически, он не должен был заметить этого, пока не восстановится полностью. Но из-за того, что он вернулся в тело, которое еще не было закалено, он чувствовал некоторую скованность и нехватку плавности в использовании силы. А после того, как его резервы были почти истощены, это ощущение стало гораздо лучше. Это и привело его к выводу: полное опустошение «моря мысли» и тренировка с нуля делают его более плотным и объемным.

Но это была лишь догадка, и чтобы проверить ее, нужно было дожидаться пробуждения Фэн Цзыси. Тот после спасения Линь Цяня так и не приходил в себя — судя по всему, его состояние было действительно критическим.

Линь Цянь поднялся и, побродив по лесу, вышел к пустующему участку, о котором говорил Чэнь Ци. Тот был прав: из-за сложности обработки земля долго пустовала. Она находилась в тени, была неровной и зажатой между участками Чэнь Ци и соседа — клочок земли, который проще бросить. Чэнь Ци, не любивший сидеть без дела, выкупил его, не питая особых надежд.

На участке ровными рядами стояли саженцы толщиной с запястье. Их было несколько десятков, но чтобы заполнить всю площадь, этого было мало.

Линь Цянь присел рядом с саженцами, погружившись в мысли, и тут услышал шаги. Он встал и увидел Чэнь Ци. Тот смотрел на него широко открытыми глазами, указывая на направление, откуда только что пришел, и не мог поверить своим глазам:

— Все эти лонганы там... ты собрал?

Земля была усыпана плодами. Если бы он собирал их сам, ушло бы дня два. А Линь Цянь управился меньше чем за три часа?

Линь Цянь отряхнул руки, кивнул и спросил о планах на участок. Как он и предполагал, эти саженцы были лишь первой партией, вторую еще не привезли. Чэнь Ци не спешил: не знал, приживутся ли здесь плодовые деревья.

Благодаря открытию Линь Цяня, тот стал в глазах Чэнь Ци невероятно прилежным юношей. Чувствуя вину, Чэнь Ци каждый день готовил для него что-то новое. Раньше он питался в основном овощами, но с появлением Линь Цяня на столе всегда было не менее трех блюд, и обязательно мясное.

Уезд Фэй был краем фруктов, и многие здесь работали в этой сфере. Поэтому собрать рабочих для сбора урожая труда не составило. Всего за три дня полный грузовик фруктов был готов.

На самом деле, сбор прошел бы быстрее, если бы не логистика: грузовик не мог подняться к самой горе, приходилось переносить ящики вручную, что сильно замедляло процесс.

Когда Чэнь Ци нашел Линь Цяня, тот все еще возился на пустующем участке. Он был весь в грязи, лоб блестел от пота, но Линь Цянь не чувствовал усталости. Увидев Чэнь Ци, он улыбнулся так искренне, что тот даже растерялся, не понимая, чему тот так радуется.

<http://bllate.org/book/21387/2180253>